

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
НЕИЗВѢСТНОЕ ЕВАНГЕЛІЕ
изъ книги *Иисуса Неизвѣстный*

I

«Я не премину включить для тебя въ «Истолкованія» (словъ Господнихъ) все, что хорошо узналъ отъ Старцевъ, Presbyteroi, и хорошо запомнилъ, — ручаясь за истину всего. Ибо я искалъ, вопреки большинству, не тѣхъ, кто много говоритъ, а тѣхъ, кто учитъ истинѣ, помня не чужія слова, а самимъ Господомъ сказанныя вѣрующимъ и отъ самой Истины идущія. Вотъ почему, когда встрѣчался я съ кѣмъ-либо изъ наученныхъ Старцами, то спрашивалъ объ ихъ словахъ: чтò говорилъ Андрей, Петръ, Филиппъ, Ѳома или Іаковъ, или Іоаннъ, или Матѳей, или кто другой изъ учениковъ Господнихъ; а также, чтò говорятъ Аристіонъ и Пресвитеръ Іоаннъ, ученики Господни. Ибо я полагалъ, что мнѣ будетъ полезнѣе взятое не столько изъ книгъ, сколько изъ живого и неумолкающаго голоса.

Это говоритъ, около 150 г., епископъ Іерапольскій (во Фригии) Папій (Papias), ближайшій для насъ къ ученикамъ Господнимъ, свидѣтель, въ предисловіи къ пяти книгамъ «Истолкованій словъ Господнихъ», — православными уничтоженнаго сокровища, гдѣ могло быть много неизвѣстныхъ намъ и не менѣе, чѣмъ въ Евангеліяхъ, подлинныхъ Словъ. Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшее и драгоцѣннѣйшее, потому что почти единственное, свидѣтельство о той средѣ, откуда вышло Евангеліе.

II

Нѣсколько позднѣйшее, отъ 185 г., свидѣтельство Иринея, епископа Лионскаго, тоже драгоцѣнно, потому что имъ подтверждается свидѣтельство Папія. Это — воспоминанія о видѣнномъ и слышанномъ въ раннемъ отрочествѣ и живо сохранившемся въ памяти Иринея («бывшее тогда я помню лучше настоящаго, потому что узнанное въ дѣтствѣ съ душой сростается»), — о столѣтнемъ старцѣ, епископѣ Смирнскомъ, св. Поликарпѣ Мученикѣ: «сказывалъ онъ намъ о своихъ бесѣдахъ съ Іоанномъ и другими,

видѣвшими Господа, и о томъ, какъ хранилъ онъ въ памяти... все, что слышалъ отъ нихъ... И все было согласно съ Писаніемъ... Я же не записалъ того на хартіи, но всегда живымъ въ сердцѣ храню».

III

Смыслъ обоихъ свидѣтельствъ очень ясенъ, хотя, можетъ быть, страненъ для насъ. Въ Церкви, отъ дней земной жизни Господа до конца II-го вѣка и далѣе до III-IV-го вѣка, — до церковнаго историка Евсенія, — тянется живая цѣпь преданія, какъ бы перекличка изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ: «Видѣли?» — «Видѣли». — «Слышали?» — «Слышали». Звучитъ живой, неумолкающій голосъ въ сердцѣ вѣрующихъ: есть что-то по ту сторону Евангелія, равное ему, если даже не высшее, потому что подлиннѣйшее, къ живому Христу ближайшее; сказанное лучше написаннаго; видѣвшіе, слышавшіе Господа знаютъ, помнятъ что-то о Немъ, чего уже не знаетъ и не помнитъ Евангеліе.

IV

Тотъ же странный для насъ, почти страшный смыслъ въ очень, кажется, древнемъ, сказаніи гностиковъ: «Господь, по вознесеніи Своемъ, опять сошелъ на землю и провелъ одиннадцать лѣтъ съ учениками Своими, уча ихъ многимъ тайнамъ». Это, видимо, древнѣйшая часть сказанія, а вотъ позднѣйшая: «и все, что они видѣли и слышали отъ Него, Онъ велѣлъ имъ записатьъ». Эта часть — позднѣйшая, потому что, въ первые, по отшествіи Господа, дни, мѣсяцы, годы, ученикамъ писать было некогда: слишкомъ скорого ждали Пришествія; на что книжные свитки, когда само небо вотъ-вотъ совется, какъ свитокъ? Люди не успѣютъ о Немъ прочесть, какъ Онъ уже будетъ самъ. «Какъ бы не забыть», думаетъ пишущій; но можно ли Его забыть? Дѣти забудутъ? Но будутъ ли дѣти, — успѣютъ ли быть?

Долго еще Онъ самъ, живой, стоялъ у нихъ въ глазахъ; голосъ Его, живого, звучалъ у нихъ въ ухахъ. «Ваши же блаженны очи, что видѣли, и уши ваши, что слышали» (Мт., 13, 16). Но вотъ, съ первымъ записаннымъ словомъ, этому блаженству наступилъ конецъ, какъ бы вторая съ Нимъ

разлука, горшая. Пишущій какъ бы соглашался, что Его самого уже нѣтъ съ ними сейчасъ — и не скоро будетъ. Если любимый завтра вернется, то возлюбленная ждетъ — не пишетъ; но если ни завтра, ни въ слѣдующіе дни, не вернулся, то первое письмо — первая тоска и тревога. Кажется, именно такъ должны были взглянуть тогдашніе люди на первое писанное Евангеліе — письмо въ разлукѣ — знакъ отсроченнаго свиданія.

V

Кажется, именно такъ взглянулъ и Петръ на первое, съ его же Петровыхъ, словъ писанное ученикомъ его и духовнымъ сыномъ, Маркомъ, Евангеліе. «Петръ, — сообщаетъ Климентъ Александрійскій, видимо, очень древнее и подлинное, потому что невѣроятное для насъ, свидѣтельство, — Петръ, узнавъ, что Маркъ пишетъ Евангеліе, не возбранялъ ему и не поощрялъ его». Значитъ, остался равнодушнѣе, прошелъ мимо и взглянуть не захотѣлъ, а если и взглянулъ, то косо, съ «тоской и тревогой»; можетъ быть, ничего не сказалъ, но подумалъ: «И онъ! Добро бы молодые, кто не видѣлъ и слышалъ, а вѣдь онъ видѣлъ и слышалъ все»...

Петръ, Верховный Апостоль, «не поощрилъ», не благословилъ — отвергъ Евангеліе. Это такъ странно, страшно, что мы ушамъ своимъ не вѣримъ. И Церковь, черезъ нѣсколько лѣтъ, уже не повѣрила, поспѣшила другими сказаніями, позднѣйшими, смыть это пятно съ памяти Петра — своей собственной: «Петръ, по откровенію Духа Св., радуется, что Маркъ пишетъ Евангеліе»; и «подтверждаетъ написанное»; или даже «велитъ написать»; или, наконецъ, «диктуетъ».

Чтобы все это понять, хоть отчасти, мы должны вспомнить, что люди эти, отвергавшіе Евангеліе, своими ушами слышали, своими глазами видѣли живого Христа — Солнце, и послѣ Него — при Немъ (Онъ все еще съ ними, живой), Евангеліе — какъ тусклая свѣча на солнцѣ. Но вотъ наступилъ день, когда пришлось имъ рѣшить, согласиться, что чего-то не поняли они въ словахъ Господнихъ о Пришествіи, хотя, казалось бы, какъ не понять такъ страшно-ясно сказаннаго: «нѣкоторые изъ васъ не умрутъ, какъ уже увидятъ Сына Человѣческаго»? (Мт., 16, 28). Всѣ или почти всѣ умерли и не увидѣли. Тутъ былъ для нихъ такой «соблазнъ», skandalon, что спасти отъ него могъ

только Онъ самъ, тогда все еще съ ними, живой. А все-таки, согласиться пришлось, что не завтра придетъ, а черезъ много лѣтъ, — можетъ быть, много вѣковъ; люди долго еще будутъ умирать и рождаться (прежде и въ это не очень вѣрили или объ этомъ не очень думали), и, значить, люди могутъ (намъ и теперь объ этомъ страшно подумать, — каково же было имъ) люди могутъ з а б ы т ь Х р и с т а . И вотъ только тогда, когда это поняли они, — передъ тѣмъ, чтобы сойти изъ солнца — «дня Господня» — въ черный-черный, длинный-длинный, подземный ходъ — вѣка отъ перваго до втораго Пришествія, — начали, скрѣпя сердце, зажигать свѣчу — писать Евангеліе.

Все это намъ очень трудно, почти невозможно понять; но безъ этого мы никогда не поймемъ, что такое Евангеліе, а главное, не увидимъ того, что з а н и м ь — живую жизнь живого Христа, неизвѣстную — Неизвѣстнаго.

VI

Первая до-синоптическая запись, вошедшая потомъ въ Синоптиковъ (*synoptikoi*, значить Совидцы, Согласники, въ противоположность Іоанну, Несогласнику) появилась въ Палестинѣ, Иисусовой родинѣ, и на Его родномъ, арамейскомъ языкѣ, вѣроятно, около 40-хъ годовъ, прежде, чѣмъ вымерло Его поколѣніе; но запись эта еще не имѣла ходу, развѣ только, какъ пособіе для вступающихъ въ общину младшихъ братьевъ, не слышавшихъ самого Господа, чтобы выучивать наизусть «слова Господни».

Въ 73 г., въ концѣ Іудейской войны, первые христіане бѣжали изъ разрушеннаго Іерусалима, въ сосѣдній городъ Пеллу (Pella), а затѣмъ, дальше, въ Кокабу (Кокаба), въ Батанейской области царя Ирода Агриппы II, почти на границѣ Набатейскаго царства (Аравіи). Здѣсь же поселились и родственники Иисуса, въ томъ числѣ, повѣрившіе въ Него, наконецъ, братья. Первое воркованіе этихъ Батанейскихъ, отъ бури въ щель скалы, въ тишину восходящаго солнца — царства Божьяго, укрывшихся бѣлыхъ голубей — «нищихъ Божьихъ», *ebionim*, суть первыя записанныя «слова Господни», *logia kurgika*.

Можемъ ли мы вѣрить, что они записаны съ точностью? Можемъ. Тѣсно жмутся всѣ другъ къ другу въ этой голубиной стаѣ: братская

сближенность, — одна душа, Е г о , въ одномъ, Е г о же, тѣлѣ, — лучшая для насъ порука точной памяти; что забудеть одинъ, — другіе напомнятъ; въ чемъ ошибется, — поправятъ. Помнятъ не только слова Его, но и звуки живого голоса, лицо, взглядъ, движеніе, съ какими слова были сказаны, и гдѣ, и когда; все какъ сейчасъ помнятъ, потому что любятъ.

VII

Чудной крѣпости и свѣжести древней, устной памяти, по опыту нашей, письменной, загроможденной и разслабленной, мы себѣ и представить не можемъ. Весь огромный Талмудъ, такъ же какъ Ригъ-Веды (16.000 стиховъ) и Коранъ, сохранялся въ устной памяти, въ теченіе вѣковъ. «Добраго ученика память крѣпчайшимъ цементомъ обложенному водоему подобна: капли не вытечетъ», говорятъ учителя Талмуда.

Внѣшней силѣ памяти помогаетъ внутренняя сила словъ Господнихъ.

Никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ Человекъ (Іо., 7, 46).

Если это сразу поняли простые, можетъ быть, грубые люди — слуги фарисейскіе, посланные схватить Иисуса, то тѣмъ болѣе — ученики. Вотъ этимъ-то: «никогда человекъ не говорилъ такъ», — знакомъ нечеловѣческой единственности, несоизмѣримости ни съ какой мѣрой человѣческой, — имъ, слышавшимъ, памятно, а намъ, читающимъ, подлинны эти слова: здѣсь памятность и подлинность — одно и то же.

«Тихимъ и страшнымъ, какъ бы нездѣшнымъ, свѣтомъ выдѣляются слова Его изъ всѣхъ человѣческихъ словъ, такъ что ихъ сразу можно узнать», замѣчаетъ Ренанъ, а ему, тонкому и сложному, невѣрующему, это, конечно, еще труднѣе было понять, чѣмъ простымъ и грубымъ людямъ, слугамъ фарисейскимъ.

Стоить лишь сравнить Евангеліе съ другими книгами Новаго Завета, или, еще лучше, евангелиста Луку съ Лукой Дѣяній Апостоловъ, чтобы сразу почувствовать всю разницу между тѣмъ Словомъ и этими,

какъ сразу чувствуютъ легкія переходъ изъ лѣснаго воздуха въ комнатный, или глазъ — переходъ отъ солнца къ свѣчѣ. Точно съ неба на землю падаешь.

VIII

Просты эти слова такъ, что ребенку понятны. Маленькія притчи, дѣтскія картинки, навсегда прилипающія къ памяти: бревно въ своемъ глазу, сучекъ въ глазу брата; слѣпой ведетъ слѣпого въ яму: это такъ просто, понятно, что до конца міра не забудется.

Дѣтямъ понятно — и непонятно мудрецамъ, потому что подъ яснымъ, верхнимъ слоемъ есть множество другихъ, въ глубину уходящихъ, все болѣе темныхъ и загадочныхъ слоевъ. Но, прежде чѣмъ это замѣтитъ человѣкъ, — въ умъ, совѣсть, волю его, и, ужъ, конечно, въ память, вливаются эти загадки, какъ острые шипы или ядовитыя жала. Въ чье сердце разъ впилося, тотъ уже отравленъ навсегда.

IX

Глиной рассыпающейся кажутся всѣ слова человѣческія передъ этими, алмазно-твердыми и ясными. Міръ на нихъ движется, какъ на неразрушимыхъ осяхъ: «небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ».

Шероховаты, какъ щебень, всѣ слова человѣческія передъ этими, — изъ божественной Логикѣ — Логоса — растущими, геометрически-совершенными кристаллами. П а м я т и г л а з а тотчасъ же замѣтна малѣйшая на нихъ неправильность — выпуклость или вдавленность — не въ нихъ самихъ ошибка, а въ памяти. Лучше или даже просто иначе нельзя сказать; кто не вѣритъ, пусть попробуетъ лучше сказать — точнѣе ограничить алмазь.

X

Внутренняя музыка рѣчи во всѣхъ переводахъ, на всѣхъ языкахъ, неразрушима. Нѣтъ вообще книги болѣе, чѣмъ эта, всемірной, всеязычной и всевременной.

«Что смотрѣтъ ходили вы въ пустыню, трость ли, вѣтромъ колеблюмую?» или: «придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные», это

звучить и будет звучать до конца міра, во всѣхъ концахъ міра, одинаково, неразрушимо.

Память слуха тотчасъ же отличаетъ звукъ этихъ словъ, какъ настоящаго золота, отъ оловяннаго звука фальшивыхъ монетъ — всѣхъ человѣческихъ словъ; тотчасъ узнаетъ, вспоминаетъ, среди всѣхъ чужихъ голосовъ, этотъ, родной: «овцы за Нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ Его» (Іо., 9, 4); среди всѣхъ шумовъ земныхъ — звуки рая.

XI

Памяти слуха знакомъ и особый неповторимый, двойственный ладъ въ словахъ Господнихъ — параллелизмъ двухъ членовъ, не согласный просто, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, а противоположный: «первые будутъ послѣдними, и послѣдніе — первыми»; «сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій — сбережетъ». Въ каждомъ словѣ — тезисъ, антитезисъ и синтезисъ; «да», «нѣтъ», и соединяющее надъ ними «да»; Отецъ, Сынъ и Духъ. Троичной музыкой звучить все Евангеліе, какъ раковина — шумомъ волнъ морскихъ.

Крыльями этого двойного лада проносится слово Его черезъ всѣ вѣка и народы, живое, безсмертное, какъ то чудесно-окрыленное сѣмя растений, что въ малѣйшемъ вѣяніи вѣтра несетъ за тысячи верстъ.

XII

Сразу отличается слово Его отъ всѣхъ человѣческихъ словъ и памятью вкуса. Прѣсны всѣ они передъ этими, «солеными». — «Соль добрая вещь». — «Соль имѣйте въ себѣ» (Мк., 9, 50). Въ сколькихъ словахъ Его — соль не только Божественной мудрости, но и ума человѣческаго, можно бы сказать, почти «остроумія», не въ нашемъ смыслѣ, конечно, а въ иномъ, для котораго у насъ нѣтъ слова. Докучная вдова у судьи, домоправитель невѣрный, глупый богачъ передъ смертью, и сколько другихъ. Въ каждомъ словѣ — особенно, въ притчахъ, есть крупинка этой соли — скорбно или радостно, но всегда одинаково-тихо, надо всѣмъ земнымъ, неземной улыбки сияющій свѣтъ.

Рыбу, только что пойманную въ Геннисаретскомъ озерѣ, тутъ же,

на берегу, потрошать, чистять, солить и сушать на солнцѣ. Это смиренная пища рыбаковъ Галилейскихъ, Двѣнадцати, и сходящихъ къ нимъ Ангеловъ. Кто разъ отвѣдалъ, за царственно-нищенской трапезой Господа, этой соленой Геннисаретской рыбки, тотъ уже никогда не забудеть ея и не промѣняетъ ни на какія амброзійныя сладости.

XIII

Но, можетъ быть, лучше всего узнаеть слово Его п а м я т ь с е р д ц а .

«Кто не оставитъ отца своего и матери своей...» — «Я голодалъ, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня» (Мт., 25, 42-44). Это проходитъ по сердцу, какъ огненное остріе, и рубецъ отъ ожога остается навѣки, такъ что сразу можно узнать, чей прошелъ здѣсь огонь. Вотъ по такимъ рубцамъ на сердцѣ человѣчества, если бы даже исчезло Евангеліе, можно было бы узнать, что Христось на землѣ былъ.

XIV

Подлинникъ Арамейскій все еще внятно звучитъ сквозь переводный греческій языкъ Евангелія.

Кто такіе Арамеяне? Сѣверная, къ Арійцамъ ближайшая, вѣтвь Семитскаго племени; самые ранніе, за два, за три тысячелѣтія до Р. Х., не государственные и даже, въ Иудейскомъ пророческомъ духѣ, противогосударственные, духовные, посредники между Вавилономъ-Египтомъ и Хаанааномъ-Хиникіей (Крито-Эгеей — «Атлантидой въ Европѣ»); древней всемирности, «каволичности», послѣдніе, и новой — первые вѣстники. Если мнѣ о потопѣ, «Атлантидѣ», — концѣ перваго человѣчества, — религиозно, а, можетъ быть, и прѣисторически-значителенъ, то «второй Адамъ», Иисусъ, говоритъ второму человѣчеству на языкѣ перваго.

Въ XI-омъ вѣкѣ до Христа, арамейскій языкъ — такой же всемирный, какимъ будетъ, черезъ тысячу лѣтъ, простонародный, О б щ і й — Κοινὴ, эллинистическій языкъ Александра Великаго и самого бога Діониса.

са — тѣни Солнца, Сына грядущаго. Евангеліе, переведенное на этотъ языкъ съ арамейскаго, соединяетъ обѣ всемірности въ одну, оба челоѳчества въ одно: второе и первое — въ третье. И здѣсь опять тезисъ, антитезисъ и синтезъ: Отецъ, Сынъ и Духъ; тою же музыкой Троичной звучитъ Евангеліе, какъ раковина шумомъ волнъ морскихъ.

XV

Мы должны пробиться сквозь греческій переводъ къ арамейскому подлиннику, чтобы услышать «живой, неумолкающей голось» Христа, почувствовать, какъ, вмѣстѣ съ роднымъ языкомъ Его, вѣетъ на насъ «само дыханіе Божественныхъ устъ», *suavitatis quae velut ex ora Jesu Christi afflari videntur*.

Первый младенческій лепетъ Его къ Отцу на языкъ земной матери: «Abba», Отецъ, и послѣдній вопль на крестѣ: *Iema sabahthani ei*, — оба арамейскіе. *Rabbi Jeschua* — Иисусъ Арамейскій — Иисусъ Неизвѣстный.

XVI

То, что сыграно на арфѣ, иначе звучитъ на флейтѣ.

Talitha koumi, значить не «дѣвица, встань!», а «дѣвочка, проснись!». Страшное чудо воскресенія какъ дѣтски-просто, понятно, естественно, въ этомъ словѣ дѣтски-простомъ. «Встань, дѣвица» — душа молчитъ, спитъ мертвымъ сномъ; «дѣвочка, проснись» — душа воскресаетъ, просыпается.

Эта простота — божественность Евангелія; чѣмъ проще, тѣмъ божественнѣй. Эта простота — прозрачность, невидимость, какъ бы отсутствіе воздуха въ Евангеліи. Въ райски-ясныя зимнія утра на Иисусовой родинѣ, Галилейскихъ предгоріяхъ, — воздухъ, чистѣйшій, небесный на землѣ, эфиръ, такъ прозраченъ, что самое далекое становится близкимъ: отъ Оавора до Ермона, кажется, рукой подать. Тотъ же небесный эфиръ и въ Евангеліи. Двухъ тысячелѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ него, какъ не бывало: все, какъ вчера — сегодня; не было, — есть, «Прежде нежели быль Авраамъ», — и послѣ того, какъ будете вы, будутъ

послѣдніе люди міра, — «Я е с м ь». Между Нимъ и нами — ничего; мы съ Нимъ, лицомъ къ лицу.

Это такъ страшно, что понятно, что иногда и вѣрующіе люди, цѣлыми годами, боятся заглянуть въ Евангеліе; въ церкви, слушаютъ его, а у себя дома, уши затыкаютъ, чтобы не слышать страшно-близкаго голоса: «сегодня Мнѣ надо быть у тебя въ домѣ».

Это-то вотъ страшно-близкое, простое Евангеліе и есть Н е и з в ѣ с т н о е . Очень простыхъ людей простыя «Воспоминанія», устныя: писать не умѣютъ, «неграмотны», да и некогда: «сейчасъ придетъ Самъ».

«Воспоминанія Апостоловъ», такъ называемыя Е в а н г е л і я , говоритъ св. Юстинъ Мученикъ (150 г.), видѣвшій и слышавшій тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ Господа. Это значитъ: «Воспоминанія», *A p o t o p e t o p e u m a t a*, первое имя книги, древнѣйшее, а «Евангелія» — второе, позднѣйшее. «Воспоминанія», не въ смыслѣ «Достопамятностей», *M e m o r a b i l i a*, какъ у Ксенофонта о Сократѣ (есть ли во Христѣ болѣе или менѣе достойное памяти; не всели одинаково?), а скорѣе, въ смыслѣ нашихъ личныхъ и историческихъ «Воспоминаній», «Мемуаровъ».

Это надо всегда помнить, чтобы понять, что такое Евангеліе.

XVII

«Мы почти ничего не можемъ узнать объ историческомъ Иисусѣ изъ Евангелій, потому что книга эта, по самому происхожденію своему, вовсе не историческая, а б о г о с л у ж е б н а я : читалась, уже въ 40-хъ годахъ I-го вѣка, на воскресныхъ богослуженіяхъ», какъ сообщаетъ тотъ же Юстинъ Мученикъ. Эти ходячія сомнѣнія въ историчности Евангелій очень легко опровергнуть.

Прежде всего, тогдашнія, не первыхъ годовъ, а первыхъ дней христіанства, когда появились первыя записи «словъ Господнихъ», понятія «церковнаго», вообще, и «богослужебнаго», въ частности, вовсе не соотвѣтствуютъ — нашимъ. Маленькія домашнія «церковки» — горенки, гдѣ все такъ просто, бѣдно, голо, и братски-тѣсно, тепло, уютно-ласково, только внутренне-огромно, ужасно, потому что Онъ самъ только-что былъ здѣсь и, можетъ быть, опять будетъ сейчасъ, — потому что всегда

невидимо здѣсь присутствуетъ» (рагоusia), — эти маленькія церкви слишкомъ непохожи на наши огромныя, великолѣпныя и холодныя церкви-храмы. Если бы одинъ изъ тѣхъ «нищихъ Божіихъ», Божіихъ дѣтей, вдругъ увидѣлъ себя въ такой церкви — въ Римскомъ Петрѣ или Св. Софіи, — то какъ удивился бы, испугался, чуть не заплакалъ бы отъ страха, какъ маленькія дѣти плачутъ; какъ не узналъ бы памятныхъ записокъ своихъ — тѣсно, по-арамейски, исписанныхъ клочковъ папируса или пергамента, зачитанныхъ, запачканныхъ, но какими слезами облитыхъ, какой любовью осіянныхъ, — своихъ «Евангелій», — въ этой огромной, тяжелой, почти неразгибающейся, въ пурпуръ, золото и драгоценныя камни закованной книгѣ, — въ нашемъ церковномъ Евангелии.

XVIII

Это прежде всего, а потомъ, правъ Оригенъ: «если бы не были правдивы Евангелисты, а измышляли басни (миѳы), какъ полагаетъ Цельзъ, то не сообщили бы объ отреченіи Петра и о соблазнѣ учениковъ». И только ли объ этомъ одномъ? Петръ, въ устахъ Господнихъ, — «сатана»; Иуда Предатель, избранный въ сонмъ Двѣнадцати самимъ Учителемъ, предвидѣвшимъ, чѣмъ для Него и для нихъ будетъ Иуда; «одержимость», «бѣсноватость» Иисуса въ страшномъ рассказѣ Иоанна (7, 20; 10, 20), и еще болѣе страшномъ, у Марка; «сумасшествіе» Иисуса, признанное не только братьями Его, но, можетъ быть, и матерью (3, 21; 31-35); второй, освобожденный отъ креста, Иисусъ Варавва, В а г - А в в а , «Сынъ Отца» (такъ въ древнѣйшихъ подлиннѣйшихъ рукописяхъ; и послѣдній вопль Сына къ Отцу: «для чего Ты Меня оставилъ?» Да надо ли перечислять? Стоитъ только заглянуть въ Евангеліе, чтобы увидѣть, что все оно полно такими «соблазнами», s k a n - d a l a , «тяжкими словами» (Ю., 6, 60); все оно — п р е р е к а е м о е з н а м е н і е , какъ уже Симеонъ Богопріимецъ, держа Младенца на рукахъ, предрекъ:

Вотъ, лежитъ Сей...

въ пререкаемое знаменіе.

sêmeion antilegomenon. (Лк., 2, 34)

Странная — страшная, «богослужебная» книга, гдѣ, какъ будто нарочно, на каждомъ шагу, такія западни-загадки понаставлены. Можно сказать, какъ это тоже ни странно, что Евангеліе — книга наименѣе «богослужебная» и даже — разумѣя «Церковь» не въ тогдашнемъ, первыхъ дней христіанства, а въ нашемъ смыслѣ, — наименѣе «церковная» изъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и, вѣроятно, будущихъ книгъ.

Страшную Книгу надо было закрыть, заковать въ желѣзо, камень, адамантъ, чтобы слишкомъ свободный духъ ея не взорвалъ и не разрушилъ всей Церкви. Но въ томъ-то и божественная сила Церкви, что она это сдѣлала такъ, что только вѣчно-подавляемымъ — никогда не подавленнымъ духомъ Евангелія она и живетъ; только этими внутренними, тихими взрывами движется.

Чтобы, послѣ всего этого, сомнѣваться въ «историчности» Евангелія, надо быть очень плохимъ историкомъ.

XIX

Чувствуется, какъ иногда вспоминающимъ трудно вспомнить живую рѣчь Иисуса — эти «странные, тяжкія слова»; какъ иногда не понимаютъ они сказанного:

Тѣ, кто со Мною, Меня не поняли. (Agraphon).

И недоумѣваютъ, «соблазняются», а все-таки передаютъ съ точностью непонятія слова, нераскрытыя и нетронутыя, цѣльныя, живыя, какъ бы все еще теплыя отъ «дыханія Божественныхъ устъ». Тяжкія глыбы словъ нагромождаютъ, не смѣя прикасаться къ нимъ, обтесывать и оглаживать. Слишкомъ глубоко проникли они въ сердце ихъ; слишкомъ неизгладимо запечатлѣлись въ памяти, чтобы могли они, если бы даже не хотѣли, не записать ихъ такъ, какъ слышали.

Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали. (Д. А., 4, 30).

Почему не могутъ? Потому что слишкомъ любятъ Его. Вотъ эта-то любовь къ Нему безконечная — въ безконечной правдивости Евангелія лучшая порука.

XX

Ростъ Евангелія похожъ на то, какъ если бы случайно, въ безпорядкѣ, складывались въ одинъ ларецъ отдѣльные листки, памятные записки о словахъ и событіяхъ изъ жизни Господа, и потомъ, оживая, срослись бы, какъ лепестки, въ одинъ цвѣтокъ, такъ что ихъ уже нельзя было бы раздѣлить, не убивая цвѣтка, и рѣзко-противоположныя — «противорѣчивыя» — окраски ихъ сливались бы въ одну живую прелесть цвѣтка — лица Господня. «Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ», и книга о Тебѣ прекраснѣе всѣхъ человѣческихъ книгъ. Но само Евангеліе не знаетъ красоты своей и не хочетъ быть прекраснымъ: если бы узнало, — все очарованіе исчезло бы. Богу одному цвѣтетъ, благоухаетъ этотъ неизвѣстный, Незвѣстнаго Рая цвѣтокъ.

XXI

Воздухъ нуженъ цвѣтку — свобода Евангелію. Какая свобода? Скажемъ просто: всякая — въ томъ числѣ, и «свобода критики».

Критика — судъ. Если Евангеліе — истина, то можетъ ли быть надъ нимъ судъ? Истина судить, а не судится. Но, во-первыхъ, кто изъ насъ посмѣетъ сказать, живя, какъ мы живемъ, что Евангеліе для него у ж е истина? А во-вторыхъ, истина борется съ ложью и отъ нея обороняется. Такая оборона — А п о л о г і я , родившаяся, можно сказать, вмѣстѣ съ Евангеліемъ. Но, если истинная Критика кончается Апологетикой, то, можетъ быть, и обратно: Апологетика начинается съ Критики.

XXII

Въ кажущихся или дѣйствительныхъ «противорѣчьяхъ» Евангелій уже дана необходимая свобода выбора, суда — критики.

«Что ты называешь Меня благимъ?» Это у Марка (10, 18), а у Матѳея (19, 17): «что ты спрашиваешь Меня о благомъ?» Могъ ли Иисусъ говорить и такъ и сякъ? А разница, какъ небо отъ земли. Хочешь, не хочешь, — суди, выбирай свободно, — будь судьей, «критикомъ».

Къ выбору насъ принуждаютъ противорѣчія не только между сло-

вами въ разныхъ Евангеліяхъ, но и между разными чтеніями одного и того же слова.

«Исусъ не могъ сотворить тамъ (въ Назаретѣ) никакого чуда», такъ, въ нашемъ каноническомъ текстѣ (Мк., 6, 5), а въ древнѣйшихъ Италійскихъ кодексахъ (Italo-codices): «Исусъ не сотворилъ тамъ никакого чуда», *non faciebat*, — въ томъ смыслѣ, конечно, что, «хотя и могъ сотворить, но не хотѣлъ». Разница опять огромная, и сгладить ее можно только очень грубымъ насильемъ, сломавъ или притупивъ божественное остріе Слова человѣческой тупостью.

А вотъ еще остріе. Въ нашемъ позднемъ, отъ IV-го вѣка, каноническомъ чтеніи Мт., 1, 16: «Іаковъ родилъ Іосифа, мужа Маріи, отъ которой родился Исусъ». А въ Сиро-Синайскомъ кодексѣ (*Syrus Sinaiticus*), съ греческаго подлинника II-го вѣка:

Іосифъ, которому обручена была
дѣва Марія, родилъ Исуса.

*Joseph, cui desponsata virgo
Maria, genuit Jesum.*

Здѣсь уже разница касается самаго догмата о Безсѣменномъ зачатіи. Какъ съ этимъ быть, люди не знали и спрятали рукопись въ темный уголь Синайскаго книгохранилища, гдѣ она и пролежала пятнадцать вѣковъ, пока, наконецъ, не вышла на свѣтъ, въ наши дни, къ тщетному, можетъ быть, злорадству лѣвыхъ критиковъ и не менѣе тщетному ужасу несвободныхъ теологовъ.

XXIII

«Духъ Св. водилъ рукой евангелистовъ, когда они писали Евангелія», учить одинъ протестантскій богословъ XVI-го вѣка. Это значитъ: пишущій Евангелистъ для Духа то же, что для музыканта — органная клавиша. Если такъ, то надо, конечно, согласить всѣ «противорѣчія» въ Евангеліяхъ, хотя бы пришлось для этого, въ началѣ подобныхъ «симфоній», утверждать, какъ это дѣлаетъ бл. Августинъ, что были двѣ Маріи Магдалины, а въ концѣ, какъ этого никто не дѣлаетъ, что Исусъ дважды родился и трижды умеръ, или другими словами, надо вѣрить, что Божественный Смыслъ принуждаетъ людей къ безсмыслицѣ. А если не такъ, то дыханіе Духа — «Боговдохновенность» Евангелія и воля къ свободѣ — одно и то же.

XXIV

Кто не свободно вѣритъ, тотъ ходи въ церковь, слушай «чтеніе Евангелія», но самъ въ него не заглядывай: старую вѣру потеряешь, а новую — найдешь ли, еще неизвѣстно.

XXV

Есть что-то божественно-трогательное, хочется сказать, — божественно-жалобное, въ евангельскихъ «противорѣчьяхъ» — этихъ, какъ будто отчаянныхъ, судорожныхъ, и все-таки къ свободѣ человѣческой бережныхъ, усилияхъ Духа Божьяго пробиться сквозь плоть и кровь, — въ тщетныхъ иногда, усилияхъ, подобныхъ трепету пламени въ душномъ воздухѣ и голубиныхъ крыль въ сѣтяхъ.

XXVI

Самый страшный даръ Божій людямъ — свобода, но и самый святой. Это чувствуется лучше всего здѣсь, въ Евангеліи. Вотъ почему первое, на что кидаются всѣ поработители духа, чтобы истребить, — эта, самая страшная для нихъ, книга — Евангеліе.

«Вмѣсто того, чтобы овладѣть людскою свободою, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученьями... человѣка навѣки... Но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ... и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ?» говоритъ Великій Инквизиторъ Христу (Достоевскій). «Трупомъ будь въ рукахъ учителя, *perinde ac sada ver*», говоритъ Лойола. Трупомъ хочеть быть Паскаль, но не можетъ и сходить съ ума отъ страха «бездны» — свободы евангельской.

XXVII

Бояться свободы, не вѣрить въ нее, значить не вѣрить въ Духа Св., потому что свобода человѣческая въ Богѣ и есть Духъ, — вотъ къ чему приводитъ насъ евангельская критика, — и это не мало.

Можеть быть, страшной цѣной, но мы, наконецъ, поняли, или вотъ-вотъ поймемъ, чего за двѣ тысячи лѣтъ христіанства никто никогда не понималъ, — что неизвѣстное имя Христа — *О с в о б о д и т е л ь*, и что, не принявъ свободы, мы никогда не узнаемъ Его, Незвѣстнаго.